

ОЛЬГА ЭДЕЛЬМАН

Профессия — революционер

Местом для разговоров на темы о желательности предъявления требований и прекращения работы служит обычный клуб рабочих — общий фабричный ватерклозет. Во что выльются в конце концов разговоры, указать в данный момент затруднительно.

Из агентурной записки полиции о положении на фабрике Богородской резиновой мануфактуры «Богатырь», 1912¹

Революционный миф продолжает довлеть. Много десятилетий русская культура идеализировала понятие «революционер»: борец за идею свободы и народного счастья, готовый положить за нее жизнь. Для противников — «бесы», фанатики, не разбирающие средств, не жалеющие ни себя, ни других. Но основной смысл тот же: одержимость идеей, причем, по-видимому, благой. Эти представления по сути своей остаются в силе и ныне.

Но если попробовать посмотреть на революционеров — профессиональных революционеров, — подчеркну, более реалистично? Если принять во внимание то многообразие мотивов, факторов, обстоятельств, характеров, которое действует в живой жизни?

Все, что я скажу дальше, является не более чем первой и неизбежно поверхностной попыткой, так сказать, подвергнуть ревизии привычный образ революционера. То обстоятельство, что большая часть примеров относится к закавказским революционным организациям, — более-менее случайно и объясняется тем, что по роду работы в Государственном архиве РФ мне пришлось знакомиться именно с этой частью обширного архивного фонда Департамента Полиции. Имеет ли смысл распространять кавказские примеры на остальную Российскую империю? Выборочное знакомство с архивными делами, касающимися

¹ Государственный архив Российской Федерации (Далее: ГА РФ). ДО. 1912. Д. 5. Ч. 46. Л. Б. Пр. 1. Л. 36.

ся других губерний, убеждает, что в Закавказье некоторые моменты были выражены ярче, чем во внутренних губерниях (скажем, привычка носить оружие, на Кавказе повсеместная, в иных частях страны была не настолько всеобщей), из-за того отчетливей проявлялись тенденции, существовавшие в других подпольных организациях не столь явно. Такое впечатление, что нравы менялись от губернии к губернии. На Урале народ был очень суровый, не случайно денежные экспроприации совершались прежде всего там и на Кавказе; польские социал-демократы, на очень поверхностный взгляд, были больше озабочены вопросами теории, программ, платформ, — впрочем, это все требует изучения. Однако рабочий, заподозренный в связях с охранкой, с равным успехом мог быть убит подпольщиками и в Тифлисе, и в Орехово-Зуево, и в Лодзи. Революционеры центральных губерний с удовольствием заимствовали опыт закавказских товарищей и неизменно восхищались их отвагой. Петербургская боевая организация большевиков строилась по образцу закавказских; Авель Енукидзе, специализировавшийся на постановке подпольных типографий, был вызван из Баку в Москву именно для этого. Ну и есть еще один, немаловажный для отечественной истории, момент: именно в закавказском подполье складывался как деятель «чудесный грузин» Иосиф Джугашвили.

Подполье, сообщество революционеров — это социум, среда, как любая среда, оказывающая на людей давление, формирующая специфическую систему ценностей, приоритетов, типов поведения. Но среда профессиональная или же досуговая, где люди собираются ради каких-то увлечений, общего стиля жизни (будь то артистический салон, клуб филателистов или сообщество рокеров-мотоциклистов) оказывает на человека лишь ограниченное воздействие, оставляет ему простор быть иным в других сферах (дома, с друзьями, принадлежащими другой среде, на отдыхе и пр.) В этом отношении можно априорно предполагать, что для революционера, особенно нелегала, среда имела более тотальное значение: вне нее он практически не находился. Это был и круг общения, и профессия, и мировоззрение, и часто там же, внутри этого круга, образовывалась если не семья, то любовная связь.

Каковы многообразные последствия такого положения? О некоторых из них неоднократно говорено: радикально настроенная публика подогревала друг друга, погружалась в фанатизм и доктринерство, жила в своей системе ценностей, причем даже и впоследствии не замечала, насколько она дика. Анна Аллилуева, старшая дочь в семье революционеров, в мемуарах с гордостью повествовала о том, как во время революционных боев 1905 г. (Аллилуевы тогда жили в Тифлисе и Баку) на ней, малолетней девочке, перевозили патроны — из соображений, что ребенка обыскивать не станут. Член боевой организации большевиков Федосья Ильинична Драбкина по кличке «Наташа» несколько раз ездила за границу за капсулями с гремучей ртутью, нужными для изготовления бомб. Возили их на себе, в спрятанных под одеждой жилетах с кармашка-

ми под каждый капсюль, старались, разумеется, за одну поездку взять как можно больше. Была опасность взорваться при случайном толчке или ударе. Ездили обычными пассажирскими поездами, причем всю дорогу от Парижа (часть такого рода закупок делалась там) до Петербурга надо было сидеть, не касаясь спинки сиденья, во избежание этих самых толчков. Гремучая ртуть сильно и удушливо пахла горьким миндалем, у курьеров болели головы, они старались часть пути проделывать в тамбуре, на холоде, дамы маскировали запах сильными духами. (Что думали другие пассажиры в вагоне, и о чем вообще они думали при виде странно себя ведущего, пахнувшего химией попутчика? Приходило ли им в голову, какому риску они подвергаются? Во всяком случае, историй о том, что их выдали соседи по купе, революционные мемуаристы не приводят.) Так вот, «для конспирации» Драбкина брала с собой дочку лет 3–4.

Погружаясь в свою систему оценок, революционеры теряли ощущение того, как это выглядит со стороны. В значительной мере потому, что этого трезвого взгляда «со стороны» не существовало. Были или враги, или сочувствующая публика, те мириады студентов и курсисток, преуспевающих инженеров, адвокатов, врачей, которые их подкармливали, почитывали нелегальщину, давали денег на революцию, принимали на хранение листовки, а то и оружие, соглашались приютить на ночь героя-борца. Да что говорить, если сочувствующие находились и в гвардейских казармах, и среди великосветской публики, и среди крупных промышленников. Большевистские боевики утверждали, что явочные квартиры и склады, в том числе оружия и бомб (а их самодельные бомбы сами по себе представляли угрозу), устраивались и в великосветских, и в генеральских домах, и даже в одном из великокняжеских дворцов. Гвардейские солдаты таскали на продажу революционерам боеприпасы, офицеры читали им курсы по взрывному делу. И это у большевиков, а специализировавшиеся на терроре эсеры пользовались еще большей популярностью, и денег у них соответственно было больше. Даже зная о широкой моральной и материальной поддержке революционеров русским обществом, временами все же удивляешься, находя все новые свидетельства того, насколько широко и явно это делалось. К примеру, 1 февраля 1905 г. из Тифлисского охранного отделения доносили в Петербург, в Департамент Полиции: «После демонстрации 23 января в г. Тифлисе группой гласных был поднят вопрос об ассигновании из городских средств двух тысяч рублей для оказания материальной поддержки пострадавшим во время беспорядков. Вопрос этот должен был обсуждаться в заседании Думы, но так как заседания три раза откладывались, то гласные упомянутой группы собрали между собой 107 руб. и через Меланию Чодришвили, известную Департаменту Полиции по донесению от 16 декабря... передали в кассу Тифлисского Комитета. Деньги собирал князь Александр Михайлович Аргутинский-Долгоруков»².

² ГА РФ. Ф. 102. ДО. 1904. Д. 5. Ч. II. Л. «Б». Л. 94.

Донесение не производит впечатления, что речь о каком-то небывалом, из ряда выходящем событии — всего-то члены городской думы внесли деньги в кассу Комитета РСДРП.

Вот фрагмент из перлюстрированного письма из Парижа, от политэмигранта, к ссылке в Иркутскую губернию, сентябрь 1911 г.: «Сообщу, как мы пережили сообщение о покушении на Столыпина. [...] Публика страшно разволновалась: эс-эры закрыли свою читалку, в с. д.-ской же был прибит огромный плакат с извещением о радостном событии. Слух о выздоровлении Столыпина заставил здешний орган синдикалистов “Bataille Syndikaliste” озаглавить свою статью: “Несчастье. Столыпин, кажется, опять не издохнет...” Смерть же Столыпина произвела очень хорошее впечатление на всех, хотя с. р. сегодня (спустя 8 дней после покушения) официально заявляют, что Богров действовал без санкции какой-либо партийной с. р. организации»³. Публика была лишена чувства нравственной меры.

Все это неоднократно обсуждалось как в героическом ключе, так и в обличительном. Не упуская из виду идейный фон, власть идеи, фанатичность, — посмотрим на совсем другие стороны дела.

Итак, революционер-нелегал. Он был полностью занят партийной работой. И жил, соответственно, на содержании партии, получал ежемесячное жалованье. Например, осенью 1909 г. видному лидеру грузинских меньшевиков Ною Жордании от партии была назначена субсидия в 50 рублей ежемесячно⁴. За полгода до этого, в марте 1909 г., тифлисская агентура доносила жандармам, что в городе «в I-м районе пропаганду ведет Арчил Долидзе, занимается только этим, получая за это 25 рублей от организации. Иван Хандамов — тоже пропагандист I-го района. Живет у отца на Авлабаре. Тоже получает 25 рублей от организации»⁵. Месяц спустя, в середине апреля, агент сообщил, что «пропагандисты предъявили Областному комитету требование об увеличении им содержания с 25 рублей на 40 в месяц»⁶. Надо заметить, что 25 рублей по тем временам — вполне приличные деньги, сопоставимые с заработком квалифицированного рабочего. Равно как и с окладами, какие получали от охранных отделений и губернских жандармских управлений постоянные секретные сотрудники.

Тогда же, в марте 1909 года, в Тифлисе произошел случай, совершенно невероятный, если исходить из принятых романтических представлений о революционном подполье: рабочие подпольной типографии РСДРП решили объявить забастовку. Из сводки агентурных сведений по городу неясно, что послужило причиной, однако логично предположить, что раз примерно в это же время пропагандисты потребовали уве-

³ ГА РФ. Ф. 102. ДО. 1910. Д. 5 пр. 2. Л. 23.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. ДО. 1909. Д. 5 ч. 61. Л. «А». Л. Л. 199 об.— 200 об.

⁵ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5. Ч. 6. Л. А. Л. 42 об.

⁶ Там же. Л. 50 об.

личения зарплаты, то и рабочие типографии решили поступить так же. Как доносил полиции агент 14 марта: «По поводу забастовки наборщиков партийной газеты “Чвени-Сахме” (“Наше дело”). Областным комитетом было предложено наборщикам выйти на партийный суд. Рабочие это предложение встретили сочувственно. Был избран состав суда из членов Областного комитета. Суд вынес резолюцию: 1) Ввиду того, что забастовка в каком бы то ни было учреждении недопустима, потому что благодаря взаимным правилам, владелец должен довести об этом до сведения администрации, чего редакция партийной газеты сделать не может, и что всем этим рабочие редакцию ставят в неловкое положение, и кроме того товарищи наборщики ни в коем случае не должны были лишать рабочие массы своего единственного печатного органа. Суд постановил: предложить наборщикам вступить в исполнение своих обязанностей. Рабочие, выслушав это решение, плюнули на судей, обрутали их площадною бранью и ушли. Коллектив, приняв все изложенное выше во внимание, выразил свое негодование рабочим и постановил выгнать их из партии, а Областному комитету предложено во что бы то ни стало газету выпустать»⁷.

Революционная работа двигалась не чистым энтузиазмом, она имела свою экономику. Можно встретить в документах сведения о том, как городской партийный комитет передал районным организациям для распространения партию нелегальной литературы на такую-то сумму, причем указанную с точностью до копеек. То есть, видимо, нелегальные брошюры и газетки не просто раздавались рабочим, но *продавались*. И в этом был резон: они же имели себестоимость, нелегальным типографиям, как и любым другим, приходилось покупать бумагу, краску. Стоили денег и печатные станы, и шрифты. Шрифты, правда, зачастую просто выкрадывали рабочие легальных типографий. Существовали две схемы производства нелегальной литературы внутри России: или ее печатали в легальных типографиях, или ставили свою, как говорили на тогдашнем и революционном, и жандармском жаргоне, «технику». В первом случае либо листовки тайком изготавливали распропагандированные наборщики, либо же — и есть у меня подозрение, что это был более частый случай, — листовки просто заказывались типографии, хозяин которой понимал, что работает в буквальном смысле «налево». Такой заказ, разумеется, оплачивался, и надо полагать, обходился дороже, чем печать невинных подцензурных изданий. Таким образом возможно было разместить разовые заказы: листовки к 1 мая или по текущим поводам. Но для регулярного выпуска литературы, особенно если замышлялась газета, требовалось, конечно, иметь свою «технику». Она покупалась, под нее находилось надежное с точки зрения конспирации помещение. И там должны были постоянно работать наборщики. Это было их основное рабочее место, и разумеется, что они должны были получать заработную плату.

⁷ Там же. Л. 36 об.— 38 об.

Откуда у партийных комитетов брались деньги? Понятно же, пожертвования сочувствующих спонсоров могли быть существенными, но вряд ли являлись постоянным источником. К экспроприациям (грабежу банков, перевозчиков денег, денежных касс) прибегали на самом деле не столь часто. Стабильным более-менее источником поступления денег были членские взносы тех, кого и в жандармских бумагах именовали «передовыми рабочими». В октябре 1901 г. на Вокзальной улице в Тифлисе происходила тайная сходка, куда пришли и новые, еще не затронутые пропагандой, рабочие Главных мастерских закавказских железных дорог; на этой сходке «интеллигент»⁸, оказавшийся впоследствии Иосифом Джугашвили, доказывал необходимость «поднять» дух рабочих путем агитации и распространения нелегальных изданий; кроме того, по мнению названного оратора, нужно заботиться о слиянии всех народностей и вносить деньги в кассу на борьбу с капиталом и самодержавием⁹.

Агентурные донесения пестрят упоминаниями о сборе с рабочих членских взносов, причем существовали общепринятая такса — по 2 копейки с заработанного рубля, т. е. 2 % от заработка рабочего¹⁰, и налаженный порядок взимания. Так, 29 ноября 1904 г. полиция обыскала квартиры наиболее деятельных тифлисских рабочих, и у некого Михаила Рухадзе были найдены «три разграфленных чернилами продолговатых листка с обозначениями сверху «1 офицер», «2 офицер», «5 офицер», в каждом 5 особых отделений с обозначением сверху «1 унт. офиц.», «2 ун. оф.»... и в каждом отделении по порядку №№ 1–6; листки эти приготовлены для записей собранных денег на тайную соц.-демокр. кассу с рабочих цеха»¹¹. Тут надо пояснить, что офицерами и унтер-офицерами в организации назывались руководители групп рабочих в заводских цехах, каждый унтер-офицер собирал взносы с 5 рабочих и сам был шестым; пять унтер-офицеров, в свою очередь, сдавали собранные суммы офицеру. В вагонном цехе тифлисского паровозоремонтного завода насчитывалось пять офицеров, которые собранные деньги передавали представителю цеха Рухадзе. Рабочим говорили, что образованная таким образом касса заменяет запрещенную профсоюзную, из нее будут выплачиваться пособия забастовщикам, пострадавшим, нуждающимся рабочим, поте-

⁸ Слово «интеллигент» взято в документе в кавычки, т. к. означало не социальное положение, а место в партийной организации. «Интеллигентами» именовали пропагандистов, приходивших вести занятия рабочих кружков; по паспорту же И. Джугашвили значился крестьянином с Диди-Лило Тифлисской губернии и уезда.

⁹ Из заключения товарища прокурора Тифлисской судебной палаты Н. Серповского по делу рабочего М. Г. Шенгелия, 18 апреля 1903 г. (ГА РФ. Ф. 124. Оп. II. 1902 г. Д. 127. Л. 11–12).

¹⁰ В прокурорском заключении по делу о первых арестованных в Тифлисе социал-демократов В. Курнатовском и др. указывалось, что «на рабочую кассу при каждой получке жалованья собираются деньги в размере 2 коп. с каждого заработанного рубля» (ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 124. 1901 г. Л. 87 об.), эти сведения подтверждаются и многими другими источниками.

¹¹ ГА РФ. Ф. 102. ДО. 1904. Д. 5. Ч. II. Л. «Б». Л. 21–22.

рванным место из-за борьбы за свои права. На самом деле, конечно, средства этих рабочих касс шли также и на нужды организаций РСДРП.

Налаженная система сбора денег означала также, что при преобладающем количестве распропагандированных, «передовых» рабочих участие в движении остальных их сослуживцев переставало быть делом сугубо добровольным. В самом деле: если большинство рабочих цеха входит в организацию, собирает взносы, то остальные, законопослушные рабочие начинают испытывать на себе их давление, и не только моральное. Известно и не скрывалось даже в официозных историях рабочего движения, как во время забастовок пикеты стачечников избивали готовых выйти на работу «штрейкбрехеров», мастеров и прочих «пособников администрации». Порой они заходили и дальше.

12 января 1905 г. из Тифлисского охранного отделения доносили в Петербург: «На одной из массовых сходок в октябре месяце 1904 года железнодорожными рабочими Ясоном Батиевым, Копанадзе и Исидором Буадзе при поддержке остальных присутствовавших было заявлено пропагандированному на сходке интеллигенту о том, что среди рабочих Главных мастерских Закавказских жел. дорог есть такие, которые, не принимая участия в организации, стесняют их в преступной деятельности; а потому, опасаясь с их стороны провокаторства, они обращаются к Комитету с просьбой каким бы то ни было способом удалить из их среды не сочувствующих движению, ибо в противном случае они будут вынуждены сами выйти из организации. Просьба эта была доложена Комитету, а впоследствии туда был представлен и список не сочувствующих рабочих, в каковой в числе других были помещены: бригадир кузнечного цеха Петр Белоконов, бригадир токарного цеха Давид Вашакидзе, бригадиры вагонного цеха Самсон Гамкрелидзе и Качава, старший рабочий токарного цеха Шошкин, его помощник Кудренко и один из братьев Ильиных, работающих в токарном цехе. Способом извлечения оппозиционного преступным деятелям элемента Комитет избрал террор и из числа упомянутых в списке лиц уже пострадало трое: был тяжело ранен Белоконов, 21 декабря 1904 года убит Давид Вашакидзе и сего числа выстрелом из револьвера в кладовой мастерской вагонного цеха убит Гамкрелидзе. Убийцами, по сведениям агентуры, являются наемные люди, но не из числа железнодорожных рабочих, хотя и не без участия последних, выражающегося в указывании убийцам личностей, приговоренных к смерти.

Многие, благодаря террору, из чувства самосохранения вынуждены были вступить в организацию, более же стойкие, каковых осталось сравнительно немного, приходят на работы позже всех рабочих и уходят раньше других и из опасения быть убитыми решили совершенно оставить службу в мастерских Закавказских железных дорог»¹².

Своеобразный революционный рэкет проявлялся и в других формах. В декабре 1903 г. в охранное отделение обратилась мать революционера.

¹² ГА РФ. Ф. 102. ДО. 1904. Д. 5. Ч. II. Л. «Б». Л. 86–86 об.

«Софья Миракова, проживающая в гор. Тифлисе, в собственном доме, заявила, что ее сын Казар Иванович (он же Лазарь Оганесович) Мираков, содержащий по Арсенальному шоссе в имении Надировой дер. будку, принадлежит к революционной партии и в последние годы выманил у ней несколько тысяч рублей на нужды революционного дела; занимаясь пропагандой революционных идей, сын приносил к ней домой подпольные издания на хранение, но она их всегда сжигала; в последнее время вымогание денег и навязывание нелегальных изданий стали ей невмоготу и она, заявив обо всем, представила несколько экземпляров листов и брошюру на грузинском языке преступного содержания; Софья Миракова предполагает, что сын сохраняет еще где-нибудь нелегальные издания»¹³.

Позднее, в марте 1912 г., в сводке агентурных данных появилась следующая история. «В деревне Цкадиси, Рачинского уезда, Кутаисской губернии, проживает окончивший курс заграничного университета медик Шамшия Лежава, который в 1905 и 1906 годах жил в городе Кутаисе и входил в состав Кутаисской с.-д. организации (большевик), имел у себя партийные печати и другие партийные документы. В то время Кутаисской организацией ему было поручено руководить в Рачинском уезде местной организацией и сбором денег в пользу партии, причем деньги он собирал по подписным листам с.-д. комитета от более зажиточных крестьян, угрожая при отказе, поджечь их жилища; так Лежава взял с жителя селения Ликорцминда Рачинского уезда Самсона Мхеидзе по 50 рублей несколько раз. В настоящее время Лежава проживает при своих родителях и занимается частной медицинской практикой... Деятельность Лежавы хорошо известна теперешнему помощнику Озургетского уездного начальника Аслану Квиташвили, бывшему тогда помощником Рачинского уездного начальника. Организованная Лежавой шайка террористов социал-демократов в 1906 году захватила названного Квиташвили в м. Они, сняла погоны и фуражку и в таком положении заставила пешком пройти до селения Амбралаури в расстоянии 21 версты. По прибытии карательного отряда Квиташвили, из боязни мести, никому не заявлял о случившемся с ним, и, кроме того, являлся к генералу Алиханову с депутацией просить не посылать карательного отряда в селение Цкадиси, где жил Лежава, и в соседние с ним. Поименованные лица все это могут подтвердить только в том случае, если предварительно будет арестован Лежава»¹⁴.

Партийцы регулярно отчитывались перед рабочими о расходовании сумм и состоянии касс, даже издавались гектографированные отчеты. Однако в условиях подполья рабочим реально контролировать кассы было почти невозможно. Уже в 1902 г., когда социал-демократическое движение только развертывалось, один из активнейших тогдаш-

¹³ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 5. Ч. 52. Л. «В». Л. 261.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1912. Д. 5. Ч. 79. Л. Б. Л. 58 об.— 59 об.

них тифлисских партийцев Сильвестр Джигладзе «в порыве раздражения» заявил, что «по вопросу об организованной ими кассе происходят постоянные недоразумения: грузины не доверяют русским, которые хотят забрать кассу в свое ведение, а русские — грузинам»¹⁵. Причины для недоверия были, пусть и не связанные с национальностью активистов. В ноябре 1901 г. на заседании Тифлисского комитета, как доносила агентура, «Захар Чодрашвили прочитал отчет тайной кассы, причем оказалось, что денег должно было быть 931 рубль, а фактически имелось 831 р. (800 р. по книжке сберегательной кассы и 31 рубль на руках), что сто рублей делись неизвестно куда и таковые было решено вывести фиктивно; там же было решено учредить контроль ежемесячной кассы, что было поручено Кораджеву и Цобадзе»¹⁶. 27 мая 1902 г. начальник Тифлисского губернского жандармского управления генерал Дебиль доносил в Департамент Полиции об изъятии при обыске у В. Бибинейшвили сберегательной книжки партийной кассы на 735 руб., составлявшей примерно половину партийных средств, и сообщал, что «по агентурным сведениям, захват половины кассы скрывают от рабочих (хотя многие уже и знают) для чего решено вывести отобранную часть кассы в расход под ложным наименованием в течение нескольких месяцев, как это уже делалось однажды при пропаже 100 р. Представляемый при сем гектографированный отчет кассы за март сего года подтверждает это указание агентуры: в помощь арестованным выведена невероятно большая сумма — 301 руб. и остаток показан почти такой же, как и от предыдущего месяца»¹⁷. Позднее сходная ситуация повторилась. При донесении от 26 сентября 1903 г. начальник Тифлисского охранного отделения ротмистр Засыпкин представил в Департамент Полиции отчет кассы Тифлисского Комитета за июль 1903 г. «с приходом в 1440 и расходом 1168 руб., имею честь донести... что по агентурным указаниям, означенный отчет преувеличен по меньшей мере в 2 раза, что находит подтверждение в имеющихся до некоторой степени общих указаниях на количество денег, могущих быть потраченными комитетом на помощь арестованным и высланным и на литературу»¹⁸.

В первые годы XX в. партийные деньги действительно шли главным образом на литературу, на вспомоществование арестованным. Социал-демократы еще только начинали свою деятельность, не успели пройти через аресты, ссылки, побег, и, соответственно, не жили еще на нелегальном положении. Первая революция существенно изменила положение дел. Теперь организации РСДРП (которая, между про-

¹⁵ Из заключения товарища прокурора судебной палаты Хлодовского по делу Курна-товского и др., 30 ноября 1902 г. (ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 124. 1901 г. Л. 89).

¹⁶ Из донесения начальника Тифлисского Губернского жандармского управления генерал-майора Дебиля в Департамент Полиции, 5 июля 1902 г. (ГА РФ. Ф. 102. Д. 7. 1902 г. Д. 175. Л. 92 об.— 93а об.)

¹⁷ Там же. Л. 78 об.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 5. Ч. 52. Л. «В». Л. 181.

чим, позиционировала себя как сугубо мирную партию) обзавелись боевыми группами. И в первую очередь закавказские. При организации Петербургской боевой группы большевики использовали именно их опыт. А боевые группы — это прежде всего забота о закупках оружия. Уже когда революция была на излете, весной 1907 г., бакинская полиция перехватила отчет о кассе боевой дружины Бакинского комитета РСДРП. Тут следует заметить, что боевые организации были в значительной мере автономны, не полностью подотчетны партийному комитету, и свои дела устраивали сами — того требовала конспирация. Вот расходная часть этого отчета, за период 20 февраля — 1 апреля 1907 г.

«Расход:
Уплачено за оружие и пат[роны] 1125 р. 40 к.
— » — взрывчат[ые] вещес [тва] 859
Конспират[ивные] расходы 38
Инструменты и починки 65 р. 40 к.
Типографские расходы 14
Почтовые 1 р. 30 к.
Разъезды 21 р. 90 к.
Уплачено профессионалам 179
Заимообразно дружинник [ам] 50
За квартиры и склады 33
Заимооб [разно] Централь [ной] Кассе 300
Уплачено долгу 13 р. 22 к.
Числится задаток 100
Всего 2800 р. 22 к.»¹⁹

Тут следует заметить, что единственным профессионалом в Бакинском Комитете на тот момент был Коба — хорошо известный полиции Иосиф Джугашвили; впрочем, в боевой дружине могли быть и еще нелегалы. Вокруг боевой дружины вообще и ее кассы в частности через полгода развернулись жесткие споры бакинских большевиков с меньшевиками (ведь формально они являлись одной партией). Осенью 1907 г., ссылаясь на решения Лондонского съезда РСДРП, постановившего прекратить всякую боевую деятельность, меньшевики потребовали роспуска боевой дружины. Большевики, в первую очередь Коба, возражали, что боевая дружина еще может пригодиться в будущем. Попутно всплыл вопрос о ее финансах: «При обсуждении этого вопроса между прочим выяснилось, что Бакинская организация израсходовала на приобретение оружия около 80 тысяч рублей и в настоящее время владеет 76 револьверами систем «Маузер» и «Браунинг», 170 винтовками разных систем и некоторым количеством бомб, что совершенно не соответствует такой затрате. Определилось также, что до сего времени еще не имеется никакой отчетности о порядке израсходования упомянутой

¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 5. Ч. 3. Л. 42.

выше суммы и такой отчет постановлено затребовать от «штаба боевой дружины»²⁰.

Роспуск боевых дружин порождал в свою очередь проблемы. Выйти из революционного движения было не так просто. Тщательно законспирированные боевые дружины, пока действовали, строго охраняли свои тайны. Благодаря усилиям полиции, до нас дошел устав той самой бакинской боевой дружины (он был напечатан нелегально брошюрой, тиражом 500 экз. — неясно, соотносился ли как-то тираж с численностью дружины). Это обширный документ, где детально прописаны все аспекты ее деятельности²¹. Раздел V посвящен обязанностям дружинника (п. 20: «Дружинник безусловно (и без всякого возражения) подчиняется во всем своему ближайшему руководителю»), раздел VIII — «О дисциплинарной части». Это место, п. 33 устава, стоит привести полностью: «Дисциплинарно наказываются: 1) Те, которые окажутся неисправными. 2) Те, которые не выполняют поручения своего руководителя. 3) Те, которые любят откровенничать и вообще не могут держать в тайне дел, касающихся боевой дружины. 4) Те, которые нарушат устав боевой дружины или программу партии (экспроприациями и т. п.) 5) Те, которые будут сорить деньгами, пьянствовать и т. п. 6) Те, которые растратят имущество организации. 7) Наказываются также все шпионы, изменники и т. п. Примечание: Дружинник, вышедший из состава боевой дружины, не освобождается от ответственности, если он будет обвинен в нарушении 3-го пункта сего устава». Возникает, конечно, вопрос: какие такие могли быть дисциплинарные наказания в тайной, нелегально существовавшей дружине? Ответ находится в следующем, 34 пункте устава, который гласит просто: «К казни приговаривает районный совет». Таким образом, следовательно, войдя в дружину, боевик становился заложником. С единственным утешением: «Приговор районного совета может быть передан на рассмотрение военного совета и затем руководящего коллектива Бакинской организации». То есть убьют не сразу, остается некоторая надежда на обжалование.

Так вот, помимо этой круговой поруки, остававшейся в силе даже после роспуска дружины, бывшие боевики сталкивались и с другой проблемой: как легализоваться? Хорошо, если кто мог как ни в чем не бывало вернуться к прежней жизни. В апреле 1909 г. агентура доносила полиции, что в Тифлис «из Елисаветполя прибыл состоящий наемным террористом в Елисаветпольской социал-демократической организации Владимир Манчикаладзе... с явкой к Сильвестру Джигладзе. В Елисаветпольской организации работа пала... Манчикаладзе жаловался Джигладзе, что его Елисаветпольская организация уволила и перестала платить жалованье (30 руб.), и он очутился в безвыходном положении, тем более что его разыскивает полиция за убийство жандармского ротми-

²⁰ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 5. Ч. 3. Л. Л. 100–101. Полиция знала эти подробности благодаря донесениям агентуры.

²¹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 5. Ч. 3. Л. 71–73.

стра (ротмистр Ритчер) в 1906 году, убийство Воробьева — служащего в Елисаветпольском депо, покушение на убийство бывшего машиниста Меркулова и бывшего казака — члена патриотического общества»²². Манчикаладзе так и не нашел себя в новой жизни, уже летом того же года, пробыв в Тифлисе месяца три, он отметился очередным преступлением: стрелял в городского, причем «его партия исключила из своего состава за грабежи и шантаж»²³.

После поражения революции 1905–1907 гг. вся партийная работа пришла в упадок. Отчасти из-за волны арестов, отчасти оттого, что рабочие (да, видимо, и интеллигентная публика) в значительной мере в этой деятельности разочаровались. В 1909–1912 гг. донесения агентов часто возвращаются к той же теме: партийная работа почти не ведется, рабочие не хотят слушать агитаторов, не платят взносов. Куда было податься революционерам-нелегалам? Они не были связаны столь жесткой круговой порукой, как боевики, но все же несли определенные обязательства по молчанию о партийной деятельности. Впрочем, не это главное. У многих из них не было профессии, источника заработка, документов, в конце концов, приемлемого объяснения, где и как они провели предшествовавшие годы. Любая смена профессии сложна; тут она была сложна вдвойне. Тот же Сосо Джугашвили, недоучившийся семинарист, сменивший не один фальшивый паспорт, с 1901 г. нигде не работавший, был, в сущности, типичной фигурой.

Более грамотные, обладатели университетских дипломов и знания иностранных языков, уезжали за границу, вели жизнь радикальных литераторов-публицистов. Кто-то, видимо, потихоньку возвращался к мирной обывательской жизни (имена этих людей мы, по понятным причинам, знаем хуже всего, они выпали из «большой истории»). Иные переходили тонкую черту, отделявшую подпольщиков от обыкновенного криминального мира. Вот видный тифлисский большевик Константин Хомерики по прозвищу «Костя Рыжий», сделавший в свое время немало общих дел с Сосо Джугашвили. «По агентурным сведениям Хомерики состоял членом Тифлисского соц.-дем. комитета большевиков, занимался партийной террористической деятельностью, завладевал партийной техникой и террористами; у него хранилась тайная типография. В последнее время он бросил партийную работу и занялся шантажом и грабежами; он хранил у себя печати для подделки паспортов»²⁴.

²² ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5. Ч. 6. Л. А. Л. 48 об.— 49 об. В том же апреле 1909 г. из Бакинского губернского жандармского управления докладывали в Петербург, что «в течении минувшего года революционерами приведено в исполнение 23 смертных приговора, при чем убит 1 пристав, 2 помощника, из них один Елисаветпольской полиции, 3 околоточных надзирателя и 17 городских» (ГА РФ. Ф. 102. ДО. 1909. Д. 80. Ч. 3. Л. 22).

²³ Там же. Л. 89 об.

²⁴ ГА РФ. Ф. 102. ДО. 1911. Д. 5. Ч. 79. Л. «Б». Л. 125 об.—126.

Но все же, кажется, большинство профессиональных революционеров пережидало спад, надеясь на возвращение активной подпольной работы. Многие коротали это время в ссылках. Революционная среда создавала систему взаимной поддержки: имея явки, полученные от своей организации или от знакомых, нелегал, беглый, просто приезжий партиец мог рассчитывать на то, что его примут, пустят переночевать, быть может, ссудят деньгами, снабдят документами, помогут обустроиться; если он приехал для партийной работы — дадут явки и контакты в городе; в приграничных пунктах помогут перейти границу и т.д. Сочувствующие движению играли немалую роль в поддержании этой невидимой сети, помогавшей революционерам, дававшей возможность выкрутиться в трудных ситуациях. Она же служила и при побегах. Впрочем, не следует преувеличивать степень дружественной солидарности тех, кто был причастен к подполью. Партийцы пребывали в бесконечных межфракционных расколах и размежеваниях (тут особенно отличались социал-демократы²⁵). Свои дразги были у томившихся в глухих местечках ссыльных. Но главное, члены действующих организаций находились в перманентном поиске агентов полиции, осведомителей и провокаторов, в непрекращающихся взаимных подозрениях и обвинениях. Почва для них была создана жандармами: агентов действительно было очень много. Не только такие выдающиеся фигуры, как Азеф или Малиновский, — нелегальные группы были буквально наспигованы завербованными осведомителями. Когда после февральской революции победители вознамерились обнародовать архивы охранки, создали специальную комиссию по разбору картотек тайных сотрудников (возглавлял комиссию известный историк революционного движения П. Е. Щеголев, в прошлом народник), то очень быстро от этой идеи пришлось отказаться: зашкаливающее число агентов дискредитировало не столько охранку, сколько само революционное движение. В 1910 г., после серии провалов, РСДРП была охвачена внутренней шпиономанией, все друг друга подозревали. В этот-то контекст следует поместить и известные обвинения в адрес Сталина, что он якобы был агентом охранки. Частью эти обвинения восходят к О. Шатуновской, бакинской большевичке из окружения С. Шаумяна. Джугашвили агентом не был, но кого только в том же кругу не подозревали — включая и самого Шаумяна. Отчасти подозрения режиссировались полицией, маскировавшей своих реальных агентов.

Разговоры о провокаторах, неаккуратность в обращении с партийными деньгами — все это должно было подрывать престиж революционеров в глазах рабочих. Но только ли это, в купе с поражением первой

²⁵ Споры большевиков с меньшевиками велись с самого основания партии. Забавно, что во внутрипартийной переписке сложился специфический жаргон, сначала для краткости и конспирации названия фракций сокращали, писали «б-ки» и «м-ки», очень быстро стали уже называть: «беки» и «меки».

революции, было причиной разочарования «рабочих масс»? Как доносил бакинский агент полиции в октябре 1909 г., говоря о финансовых затруднениях местных социал-демократов, «деньги поступают еще труднее и потому, что рабочие совершенно разочарованы в работе своих руководителей и говорят, что за свои же деньги они выигрывают только то, что сядут в тюрьму»²⁶.

В самом деле, возьмем два примера, две довольно известные истории.

Батумская стачка 1902 г., начавшаяся в марте и продлившаяся до середины июня, первая большая акция, организованная Иосифом Джугашвили. Батум был небольшим, но динамично развивавшимся нефтепромышленным городом. Нефтяные предприятия, принадлежавшие в основном иностранным хозяевам, работали в зависимости от наличия заказов: есть заказ — нанимали рабочих, по окончании работ лишних увольняли. Нанимались крестьяне из окрестных районов, для которых заводской заработок служил существенным подспорьем. В конце февраля 1902 г. на заводе Ротшильда было объявлено о грядущем увольнении около 400 рабочих, при том что работало на заводе всего порядка 900 человек. Этим воспользовался товарищ Сосо (такова была тогда его конспиративная кличка) и через уже распропагандированных им рабочих повел агитацию, призывая в знак протеста против увольнений провести забастовку, требовать, чтобы администрация платила рабочим и тогда, когда заказов и работы нет. Надо отметить, что в ту пору предложение рабочих рук существенно превосходило возможности найма, была безработица. Тем не менее революционная агитация возымела успех, в последних числах февраля завод Ротшильда забастовал. Затем, после первых арестов зачинщиков, Сосо призвал к решительным выступлениям, 8–9 марта толпы рабочих из нефтяного городка вышли на улицы, дело шло к массовым беспорядкам, и власти, не добившись успокоения толпы, испугавшись, что бунтующие подожгут нефтепромыслы, вызвали войска. Закончилось стрельбой, 12 рабочих были убиты, 19 ранены. Забастовка на заводе Ротшильда продолжалась. 5 апреля Джугашвили был арестован, причем по наводке нескольких рабочих, которым надоело бастовать и хотелось снова получить возможность заработка²⁷. Завод бастовал еще почти три месяца, пока не была достигнута договоренность с администрацией о возобновлении работ, рабочие получили пособие, соответствовавшее примерно месячному заработку, и очень за него благодарили. Социал-демократы объявили о полной победе бастовавших. Однако анализ того, чего они на самом деле добились, убеждает: это, равно как и полученное пособие, ни в коем случае не компенсировало неполученной за время забастовки заработ-

²⁶ ГА РФ. Ф. 102. ДО. 1909. Д. 5. Ч. 3. Л. А. Л. 69 об.

²⁷ Это видно из донесения начальника Кутаисского Губернского Жандармского Управления полковника Стопчанского в Департамент Полиции от 22 апреля 1902 г. (ГА РФ. Ф. 102. Д7. 1902 г. Д. 175. Л. 51–53).

ной платы. Впрочем, сами большевики не раз высказывали презрение к чисто экономическим требованиям: бороться, по их мнению, следовало не за повышение зарплаты и улучшение условий труда («подачки»), а за свержение самодержавия.

Восстание на броненосце «Князь Потемкин Таврический» в июне 1905 г. вспыхнуло восстание стихийно, без особой причины (пресловутая история о гнилом мясе сильно раздута). Подоплека его состояла в том, что примерно на 750 человек матросов было 50–60 охваченных революционной пропагандой, а поскольку революционеры взяли курс на подготовку всеобщего восстания, то и моряков настраивали соответственно. Это была группа, готовая взбунтоваться и искавшая любого повода. Броненосец в то время находился на учебных стрельбах в море, примерно в 100 верстах от Одессы. Большинство матросов было испугано и пассивно подчинилось вожакам бунта; командир корабля и офицеры, за несколькими исключениями, были убиты. Броненосец двинулся к Одессе: по слухам, там шло восстание народа. На самом деле общего восстания не было, были уличные беспорядки. Когда «Потемкин» подошел к одесскому рейду, на него приплыли в шлюпке агитаторы — одесские меньшевики Березовский и Фельдман. Они остались на корабле, приложив максимум усилий к тому, чтобы моряки (плохо, в сущности, представлявшие цель и смысл своего выступления, не знавшие, что делать дальше, колебавшиеся, не сдать ли командованию) продолжали восстание, уговаривали обстрелять город (на что матросы по счастью не согласились). По воспоминаниям Константина Фельдмана, они агитировали и митинговали часами, до хрипоты и потери голоса. Простояв четыре дня на Одесском рейде, так и не придумав, к чему этот мятеж и что делать; после неудачной попытки умирения силами подошедшей эскадры; после того как к бунту сначала примкнул, потом изменил свое решение еще один броненосец «Георгий Победоносец», — «Потемкин» покинул одесский рейд и двинулся по направлению к Румынии. Они уже сильно нуждались в продовольствии, воде и угле и надеялись получить все это в Румынии. Фельдман и Березовский сочинили и передали румынским властям два воззвания от имени команды. Фельдман составил безудержно демагогическое «Обращение ко всему цивилизованному миру» с призывом к свержению самодержавия, Березовский — более практичное «Обращение к иностранным державам», где заверял, что мятежный броненосец не опасен для третьих стран. Не получив, однако, ни угля, ни припасов, «Потемкин» принялся бесцельно скитаться по Черному морю. Команда пала духом. Пошли в Феодосию, под угрозой бомбардировки получили у городских властей немного продовольствия. Несколько матросов высадились там на берег и были арестованы, среди них переодетый матросом Фельдман. Не важно, как он объяснял свое бегство с броненосца, какими революционными резонами — важно, что до конца с моряками, которых столько подзуживал, он не остался.

Наконец, питаюсь одними сухарями, на остатках топлива потемкинцы снова ушли в Румынию и там сдались. Дальнейшая судьба их была трагичной. Сорок семь человек решило вернуться в Россию сразу же; их судили, шестерым дали от трех до пятнадцати лет каторги, остальных отдали в арестантские роты. Судили и 75 зачинщиков восстания на «Георгий Победоносце», троих казнили²⁸. Главный вожак восстания на «Потемкине» матрос Афанасий Матюшенко побыл два года в эмиграции, в 1907 г. вернулся в Одессу и Николаев. Он сошелся с анархистами, получил от них фальшивые документы, явки и какие-то смутные террористические планы. В Николаеве его схватили, приговорили к смертной казни и повесили. Оставшиеся за границей семь сотен потемкинцев бедствовали. Румынские власти отнюдь не были счастливы, получив такой неблагонадежный элемент. У моряков не было ни денег, ни знания языка, ни возможности найти работу. Они постепенно перемещались в другие страны, но нигде их особо не ждали. Революционная эмиграция приняла нескольких наиболее близких к себе по духу (как Матюшенко), но переварить всю эту массу была не в состоянии. Да и хотела ли? Некоторые бывшие моряки перебрались в Америку и Канаду, один не без успеха фермерствовал, другой погиб от голода и гнуса, заблудившись в аргентинской сельве... Многие возвращались в Россию, кто нелегально, а кто и явно. Еще накануне Первой мировой войны в русские консульства и на приграничные пункты являлись бывшие потемкинцы и заявляли, что предпочитают каторжные работы на родине скитаниям на чужбине.

Константин Фельдман довольно быстро, не дожидаясь суда, бежал из феодосийской тюрьмы (подкупил стражника, который при этом лишился места и сам ударился в бег). Через некоторое время Фельдман оказался в эмиграции в Париже, выступал с рефератами о восстании на «Потемкине», очень любил рассуждать о причинах его поражения: считал, что из-за недостатка революционной решимости моряков. Собственно, на потемкинской истории Фельдман сделал себе реноме, которое охраняло его, меньшевика, и потом, в большевистском СССР. В 1927 г. он опубликовал мемуары о восстании и даже снялся в фильме Эйзенштейна в роли самого себя.

В сущности, профессиональных революционеров весьма мало волновали реальные судьбы, живые жизни тех самых простых людей, рабочих, солдат и матросов (не говоря уж о крестьянах) за интересы которых они якобы боролись. Подпольная среда формировала свои, корпоративные интересы. Профессионалы-нелегалы нашли свою нишу не в явном, нормальном социальном строе общества, но в параллельном, подпольном мире — и были заинтересованы в поддержании его,

²⁸ Бунтовщикам с «Геория Победоносца» достались более суровые приговоры, чем потемкинцам, потому что судили их раньше, в августе 1905 г., а потемкинцев — в начале 1906 г., после Манифеста 17 октября.

в организации актов «борьбы за права народа, за свержение самодержавия», ибо именно эти акты повышали их собственную цену в глазах сочувствующей публики. При этом они беззастенчиво манипулировали теми самыми народными массами в своих корыстно-корпоративных интересах. Вообще-то, революция, к которой они так стремились, была им не нужна, им было нужно продолжение «борьбы». Революция оказалась побочным продуктом.